

doi: 10.22363/2313-2337-2018-22-1-1-20

ЛЕГАЛЬНОСТЬ И ЛЕГИТИМНОСТЬ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ (НА ПРИМЕРЕ СИРИЙСКОГО ВОПРОСА)

А.А. Клишас

Российский университет дружбы народов
Юридический институт
117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, 6

В статье освещаются теоретические представления о легальности и легитимности публичной политической власти, проводится анализ таких представлений, посредством исследования вопроса легальности и легитимности публичной политической власти, реализуемой на территории Сирийской Арабской Республики, в том числе в рамках исторической стороны конституционного развития государства, казуально демонстрируются наиболее существенные черты рассматриваемых правовых категорий.

Цель настоящей статьи является системное изложение доктринальных подходов к таким правовым явлениям, как легальность и легитимность публичной политической власти, их соотношению, а также анализ содержания таких правовых явлений на примере общественного состояния, сложившегося на территории конкретного государства в определенный исторический период его развития.

В результате рассмотрения различных подходов к понятиям легальности и легитимности публичной политической власти автор приходит к выводу о необходимости учета конкретного политического и правового контекста при выдвижении суждений о легальности и легитимности публичной политической власти, реализуемой в государстве на определенном этапе его развития. При этом, если в случае с характеристикой легальности публичной политической власти возможности для принятия иных критериев, кроме соответствия такой власти позитивному порядку в рамках конкретно-определенной правовой системы, не усматривается, то при рассмотрении легитимности публичной политической власти существует дискреция в выборе критериев (порядка легитимации), соответствие которым позволяет утверждать легитимный характер публичной политической власти — такими критериями, по мнению автора, могут являться признание легитимируемого объекта населением или компетентными органами; соответствие легитимируемого порядка позитивному закону; соответствие легитимируемого порядка порядку более высокого уровня. В настоящей работе посредством рассмотрения наиболее явных конституционных особенностей Сирийской Арабской Республики, в том числе в контексте истории конституционного развития государства, также приводится обоснование легального и легитимного характера публичной политической власти, осуществляемой на территории Сирийской Арабской Республики.

Ключевые слова: государство; публичная политическая власть; легальность; легитимность; конституционное право; Сирийская Арабская Республика

I. ВВЕДЕНИЕ

Понятия легальности и легитимности все чаще используются при определении качеств институтов публичной политической власти в непосредственной связи с указанием на персональные характеристики лиц, замещающих соответствующие должности. При этом в литературе зачастую приводятся совершенно необоснованные позиции относительно легальности и легитимности того или иного публично-властного института. В отсутствие каких-либо разъяснений, содержащих критерии, используемые для выводов о наличии легальной и легитимной характеристики у публичной политической власти соответствующего государства, допускается не только приведение немотивированных суждений, но также и подмена понятий, что абсолютно не способствует всестороннему и корректному рассмотрению политической и правовой проблематики функционирования публично-властных институтов.

В то же время устоявшиеся подходы к определению содержания понятий легальности и легитимности различны как в общественных науках — юриспруденции и социологии, так и рамках отдельных концепций приведенных научных сфер, что также свидетельствует о необходимости сопровождения соответствующих выводов максимально подробными пояснениями и комментариями.

В настоящей работе автором приводятся наиболее распространенные научные позиции относительно понятий легальности и легитимности публичной политической власти, рассматриваются вопросы сходств и различий научных подходов по приведенной проблематике, на примере конкретного государства иллюстрируется содержание легальности и легитимности как характеристик публичной политической власти.

II. ПРАВОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЙ ЛЕГАЛЬНОСТИ И ЛЕГИТИМНОСТИ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ

В теории права понятия легальности и легитимности тесно связаны с понятием публичной политической власти¹: рассматриваемые понятия одновремен-

---

¹ Под публичной политической властью следует понимать правомерную, с позиций самих субъектов, реализующих соответствующие полномочия, возможность и способность установленного законом или, в исключительных, к примеру, в рамках внутрисударственных военных конфликтов, революций, ситуациях — установленного (легализованного) в последующем, круга субъектов осуществлять политическое управление (реализовывать любые непротиворечащие установленным нормативными правовыми актами, действующими на момент принятия и реализации решений, действия) на конкретно-определенной территории, в том числе с законным применением насилия и вопреки воле населения (в рамках установленных пределов возможной несогласованности действий с такой волей). Под политическим элементом при определении публичной политической власти, в зависимости от уста-

но являются как дескриптивными, так и прескриптивными по отношению к содержанию публичной политической власти.

Дескриптивный элемент рассматриваемых понятий выражается в определении легальности и легитимности в качестве критериев (возможных, но не имеющих образующий характер²) публичной политической власти в конкретной философско-правовой парадигме или историческом периоде — как то концепция правопонимания или отдельно взятое государство в конкретном историко-политическом контексте. Прескриптивный элемент выражен разработанными и разрабатываемыми критериями определения легальности и легитимности, которые принимаются в качестве базовых элементов при описании модели публичной политической власти — вне зависимости от конкретной философско-правовой парадигмы или исторического периода.

В современной правовой науке существуют различные подходы к определению легальности и легитимности как характеристик публичной политической власти, обладающей суверенитетом³ и действующей на конкретно-определенной территории.

Как правило, легитимность как черта публичной политической власти, действующей в рамках определенной территории, выражающаяся в признании ее политических и правовых институтов, трактуется как понятие, являющееся более широким в отношении легальности, т.е. установленности законом. Некоторыми из ученых, к примеру, С.С. Алексеевым, понятие легитимности отождествляется с понятием правозаконности⁴. Другими авторами, к примеру В.В. Де-

---

новленного в рамках каждой конкретной территории порядка формирования высших властных субъектов, компетентных принимать соответствующие решения, понимается в том числе осуществление власти через представительство: «...по общему правилу политическая власть в стране — это власть народа, который на выборах, референдумах решает, каким партиям или лицам вручить осуществление власти. Это, по существу, временное делегирование полномочий при сохранении политической власти у народа...». Под публичным элементом следует понимать осуществление власти территориальным публичным коллективом в общих интересах лиц, его составляющих (Chirkin, 2013:203, 206).

² Публичная политическая власть может быть как легальной, так и легитимной, так и не соответствовать обеим указанным характеристикам.

³ Под суверенитетом следует понимать возможность и фактическую способность публичной политической власти, действующей на конкретно-определенной территории, осуществлять такую власть вне имеющих возможность неправомерно (вопреки установленному законом порядку) повлиять *ad rem* на принятие соответствующих властных решений действий субъектов правоотношений, в том числе международных организаций, иных государств, международных и зарубежных публичных институтов, а, равно с этим, субъектов, действующих на территории подвластного государства и некомпетентных принимать соответствующие решения (в том числе в части формирования органов государственной власти), а также — возможность и фактическая способность публичной политической власти применить необходимые механизмы воздействия на указанных субъектов в случае реализации такими субъектами неправомерных действий.

⁴ Под «правозаконностью» в данном случае понимается «строжайшее неукоснительное проведение в жизнь не любых и всяких норм, а начал гуманистического права, прежде всего основных неотъемлемых прав человека, и, кроме того, так же связанных с ними ряда других институтов ... в том числе

нисенко, приводится «интегративное» определение легитимности позитивного права — «легитимность позитивного права — это признание позитивного права субъектами права в качестве законных, принятых личностью, социальными группами или обществом правил поведения» (Denisenko, 2014:15).

Понятия легальности и легитимности тесно связаны с введенными в оборот Г. Кельзенем понятиями действительности и действенности правопорядка.

Под действительностью правопорядка, подразделяемую Г. Кельзенем на формальную и материальную, понимается соответствие нормативно-установленного порядка основной норме⁵, при этом ученый указывал на возможный, особенный (временный) характер такой действительности, определяемый самой нормой в части установления периода ее действительности или процедуры, только лишь при строгом соблюдении которой такая норма может быть изменена или отменена. «Принцип, согласно которому норма правопорядка действительна до тех пор, пока ее действительность не будет прекращена предусмотренным правопорядком способом или заменена действительностью другой нормы этого порядка, — этот принцип есть принцип легитимности.

Этот принцип применим к государственному правопорядку лишь с чрезвычайно важным ограничением. Он неприменим в случае революции» (Kelsen, 2015:260–261) — отмечал Г. Кельзен, уточняя, что сама революция нелегитимна априорно, при этом все же допуская фактическое изменение правопорядка революционным путем и ограничивая принцип легитимности принципом эффективности⁶, что представляется наиболее релевантным цели революции, так как вне зависимости от мотивов совершения соответствующих действий конкретными субъектами ни одна революция не может быть успешна без кризиса эффективности управления, ввиду того, что при отсутствии указанного «порока» невозможно изыскать поддержку потенциальных участников революции.

Под действенностью Г. Кельзенем понималась объективная реализуемость — т.е. фактическая возможность правовых норм (в противовес иным видам регуляторов социальных отношений) регулировать отношения в рамках существующего правопорядка («бытия природной реальности»). При этом им приводится позиция относительно того, что действенность правопорядка⁷ наравне с эффективностью «поглощающей» легитимность, является одним из условий

общедемократических принципов, частного права, независимости правосудия» (Alekseev, 1998:132–133).

⁵ Применительно к нормативным правовым актам — непротиворечие их актам большей юридической силы: законов — конституции, конституции — нормам международного права, в случае признания такого примата самой конституцией.

⁶ Который, в силу допустимости ограничения принципа легитимности, представляется наиболее значимым составным элементом такого принципа с философско-правовых позиций.

⁷ Представляется допустимым экстраполяция соответствующих выводов и на публичную политическую власть.

постулируемой нормы даже в случае недействительности установления такой нормы⁸, так как правопорядок является действительным в силу фактической возможности регулировать общественные отношения.

Легитимность как характеристику публичной политической власти (или правового режима, а, равно с этим, отдельных правовых институтов) следует связывать с процессом легитимации, т.е. с процессом признания одного нормативного порядка (отдельных норм, институтов или действующего правопорядка в целом) с точки зрения другого нормативного порядка (в том числе вновь устанавливаемого). В рамках легитимации, рассматриваемой как процедура достижения легитимности, следует выделять два «порядка» — порядок легитимирующий и порядок легитимируемый. При этом если с определением легитимируемого правопорядка не возникает проблем с пониманием объекта легитимации — такими объектами могут являться как конституционный порядок, сложившийся в государстве в конкретно-определенном историческом периоде, так и отдельные институты такого конституционного порядка, то в части подходов к определению легитимирующего правопорядка усматривается некая дискреция — с одной стороны таким легитимирующим правопорядком может выступать как иной, в том числе предшествующий, а, равно с этим, «качественно иной» — т.е. не являющийся тождественным по своим существенным характеристикам предшествующему, правопорядок, принципы и нормы которого опосредуют правопорядок легитимируемый, так и право в целом, и в том числе право, реципируемое новым правопорядком в случае изменения правопорядка, т.е. право, продолжающее регулировать общественные отношения при смене правопорядка⁹.

М. Вебером была предложена собственная классификация типов легитимности (Matheson, 1987; Huppel-Cluysenaer, Knegt & Lembcke, 2008). Так, социологом выделялись, в зависимости от элемента, который легитимирует соответствующий порядок, легитимность традиционная, легитимность харизматическая и легитимность рационально-легальная (Smith, 1970:17–21). При этом М. Вебером, по содержанию своих воззрений на легитимность (действительность) власти в некоторой степени солидарным¹⁰ с Г. Кельзенем, приводится только лишь социологическая сторона понимания эффективности (определяемой, безусловно, как категория оценочная), являющейся одним из двух неотъемлемых

---

⁸ И, соответственно, в рамках приведенной аналогии — недействительности (несоблюдения) процедурных аспектов приобретения конкретными субъектами властных полномочий.

⁹ В частности, точку зрения о том, что легитимирующим правопорядком в данном случае выступает право, приводит В.А. Четвернин. Так, автором указывается, что демократический процесс легитимации государства в современном обществе включает в себя конституционное выражение легитимирующего правопорядка и конституционное оформление легитимной организации государственной власти (Chetvernin, 1993:83).

¹⁰ М. Вебером понятие «легитимность» рассмотрено только в рамках социологической компоненты (Campbell, 1986:208).

элементов легитимности. Из трудов М. Вебера следует, что «оценка» публичной политической власти как легитимной (а, следуя положениям концепции Г. Кельзена — «оценка» публичной политической власти как эффективной) осуществляется населением на основании:

– безусловного от каких-либо аспектов, в том числе от основания и субъекта, установившего необходимость реализации, применения на протяжении длительного периода времени тех или иных социальных моделей, т.е. признания эффективными любых действий властных институтов, которые [властные институты] в конкретном рассматриваемом случае — в части их формирования, были организованы в соответствии с критерием «длительности применения» такого порядка их формирования — для традиционного типа легитимности;

– положительно воспринимающегося социумом экстраординарного для конкретных исторических, территориальных и политических условий характера лица (группы лиц), реализующего властные полномочия — для харизматического типа легитимности¹¹;

– соответствия наделения того или иного лица властными полномочиями, а, равно с этим, соответствия реализуемых таким лицом полномочий, установленному законом порядку — для рационально-легального типа легитимности^{12,13}.

Следует отметить, что схожая классификация легитимности следует и из трудов современных представителей научного социологического сообщества — так, социолог С.М. Липсет (Lipset, 2005) утверждает, что признание населением власти легитимной не является персонифицированным — легитимным признается институт как таковой, а не конкретное лицо, замещающее публичный мандат¹⁴.

Значительный вклад в разработку содержания понятий легальности и легитимности внес представитель немецкой школы К. Шмитт. Так, им подчеркива-

---

¹¹ Представляется, что такой тип легитимности является характерным в значительной степени для юрисдикций, публичная политическая власть в которых осуществляется, как правило, вновь образованными элитами, наделенными полномочиями, в том числе в результате не соответствующего установленному порядку замещения высших государственных должностей социального переворота.

¹² При этом, посредством отождествления таких понятий, как легитимность и легальность, т.е. соответствие той или иной фактически сложившейся ситуации (процесса) нормам права (к примеру, и как было указано ранее, формирование органов публичной политической власти, принятие такой властью тех или иных решений), презюмируется конкурентный характер (опять же, в рамках установленных законом правил) и демократичность формирования высших публично-правовых институтов, обладающих реальными, в части утилитарной реализации, полномочиями, наличие процедуры прекращения полномочий конкретных лиц, реализующих властный функционал.

¹³ Приведенный тип легитимности свойственен наиболее «конституционно стабильным» государствам, изменение персонального состава политических институтов в которых в крайней степени маловероятно посредством совершения революций.

¹⁴ Что, при том, абсолютно не характерно для харизматического типа легитимности в соответствии с классификацией М. Вебера.

лось более широкое значение понятия легитимности в соотношении с понятием легальности: «... Ему [юридическому позитивизму] было неведомо, что легальность первоначально была существенной частью западного рационализма и формой правления, но отнюдь не абсолютной противоположностью легитимности. Всеобщая нейтрализация ценностей была частью всеобщей функционализации и превращала демократию в принципиально релятивистское мировоззрение...» (Schmitt, 2016:271).

К. Шмитт выделял четыре типа государства: государство правосудия, государство правительства, государство управления и законодательное государство, связывая существование последнего с принципом разделения властей и рассматривая его сквозь призму легальности и легитимности, делая при этом особый акцент на плебисцитарной легитимности при парламентской системе легальности, т.е. на таких легитимности и системе легальности, при которых, соответственно, результаты всеобщих народных выборов, проведенных в соответствии с установленным порядком, есть источник и основание легитимности власти^{15,16}, а высший орган законодательной власти является источником легальности, т.е. органом, санкционирующим общеобязательные для всех лиц, проживающих на определенной территории, правила поведения¹⁷.

В ряде научных работ современных авторов приводятся позиции о том, что легальность есть один из способов легитимации закона, что весьма спорно и представляется справедливым лишь в случае, если позитивный закон (позитивацию определенного порядка) считать легитимирующим порядком (без юридической оценки его содержания и действительности). В некоторых из научных трудов также приводятся мнения о том, что легитимация есть процесс придания закону его позитивной силы, что также весьма спорно, ввиду того, что, очевидно, производится «подмена» понятия «легальность» понятием «легитимность».

Довольно интересными представляются подходы современных зарубежных ученых к пониманию содержания таких характеристик публичной политической власти, как легальность и легитимность. Так, например, Ж.-М. Койкауд определяет легитимность как признание права публичной политической власти на осуществление управления, конститутивными элементами которого являют-

---

¹⁵ Что примечательно, как справедливо утверждает Дж. П. Маккормик, сформированная К. Шмиттом концепция законодательного государства, «предполагающая жесткое разделение закона и его применения, парламента и публичной администрации, законодательной и исполнительной ветвей власти», тесно связана с доктриной правового государства (McCormick, 2004:xxiv).

¹⁶ В чем усматривается абсолютная симметрия с рационально-легальным типом легитимности по М. Веберу.

¹⁷ Что, однако, противоречит позиции Г. Кельзена, в соответствии с которой источником легальности является соответствие той или иной нормы позитивного права постулируемой норме, и, соответственно, законодательный орган является только субъектом, должным формулировать соответствующие позитивно-правовые установления в соответствии с такой постулируемой нормой для обеспечения легальности всех «нижестоящих» норм.

ся общественное согласие, закон¹⁸ и нормы¹⁹ (Coicaud, 2004:10). Указывается, что легитимность:

«является довольно расплывчатым понятием. В некотором смысле, легитимность в понимании политической науки является аналогом понятия «невидимая рука рынка» у ученых-экономистов: мы понимаем, что такое явление существует и оно способно сплотить социальные группы, однако мы не можем объяснить, как его достичь и почему в некоторые периоды времени оно оказывает чрезвычайно большое влияние [на общественно-политические процессы], а в другие — кажется, будто его нет» (Bekkers, Dijkstra, Edwards & Fenger, 2007:35).

Некоторыми из зарубежных авторов, например, Р.Р. Баласубраманиамом, характер фактической реализации действий публичной политической власти, соотносимый с доктриной верховенства права, небезосновательно определяется как «лакмусовая бумажка легитимности, которая позволяет субъектам правоотношений оценивать и ставить под вопрос выдвигаемые правительствами доводы, которыми обосновывается принятие тех или иных управленческих решений, реализуемых для общего блага» (Balasubramaniam, 2008:135). Действительно, в зависимости от обеспечения со стороны публичной политической власти режима защиты прав и свобод человека на уровне, необходимом территориальному публичному коллективу, в том числе в контексте самоограничения действий государства, такая публичная политическая власть будет признаваться населением легитимной, при том — вне зависимости от легальности ее формирования.

Следует отметить и лингвистический аспект, затрагивающий понимание и толкование (порой ошибочное) терминов «легальность» и «легитимность». Перевод с французского языка термина «легитимность» как «законность» или «узаконенность» (Megrelidze, 2008), не вполне отражает содержание понятия ввиду того, что собственно «законность» представляет скорее соответствие позитивной норме или позитивацию правила поведения — в этом случае дефиниция четко соответствует понятию «легальность».

Понятие «легитимность» носит более прескриптивный характер, нежели «легальность». М. Вебер, определяя понятие легитимности, включал в него не только законность власти с формальной точки зрения (соответствие позитивному закону), но и явление социально-психологическое, состоящее в принятии обществом политической власти или как минимум пассивном повиновении ей

---

¹⁸ Под которым автором понимается не что иное, как законность (легальность) действий органов публичной политической власти.

¹⁹ Под нормами Ж.-М. Койкауд понимает социальные ценности, действия по утверждению которых со стороны публичной политической власти являются необходимым вследствие «запроса» на них со стороны территориального публичного коллектива (Coicaud, 2004:14).

(т.е. признанию «эффективности» такого порядка по Г. Кельзену) (Weber, 1990:639). В современных отечественных работах по теории права также принято говорить о справедливости такой точки зрения: «Легитимность и легальность власти — понятия не совпадающие. Если легальность означает юридическое обоснование власти, ее соответствие правовым нормам, что выступает ее юридической характеристикой, то легитимность — это доверие и оправдание власти, что выступает ее нравственной характеристикой. Любая власть, издающая законы, даже непопулярные, но обеспечивающая их выполнение, — легальна, в то же время она может быть нелегитимной, не приниматься народом...» (Подробнее см.: (Matuzov & Malko, 2004). И.А. Исаев, приводя позицию П. Бурдые, говоря о легальности, акцентирует внимание на принципе общей легальности, допускающем принятие любых позитивированных (возведенных в закон) решений — «Политическая власть отрывает людей от их насущных проблем, предпочитая говорить об универсальных проблемах. Такой отрыв часто маскируется заявлениями о том, что бюрократическая система предназначена для ограничения властных отношений подчинения и господства и призвана переключить управление на мир вещей, но не людей. В этом проявляется одна из важнейших особенностей бюрократического — не водворять истину, принимая в расчет индивидуальное, но добиваться только одного — результативности. Принимаемые решения здесь всегда анонимны. И это качество переносится на издаваемые государством законы, параллельно с которыми действуют правила и нормы, на основе которых действует администрация. Принцип общей легальности, разросшийся до огромных пределов нормативного комплекса, оказывается прикрытием для принимающей решения бюрократии, действующей по своему собственному усмотрению. Процесс принятия решений теперь уже не будет системой ясных юридических процедур, регламентированных конституциями. Власть, сосредоточившаяся в недрах бюрократической машины, либо игнорирует, либо интерпретирует их в соответствии со своими целями. Монополия на легитимное символическое насилие позволяет власти произвольно навязывать собственные средства познания и выражения политической реальности. Администрация создает собственные политические мифы, закладывая в них предполагаемый смысл своей легитимности. Посредством замаскированного внушения этот «структурированный и структурирующий медиум» навязывает восприятие установленного порядка как естественного и легитимного» (Isaev, 2014), и также о соответствии легальности позитивности, а легитимности справедливости как признакам права.

«Для того чтобы само право при этом оставалось не только позитивным (признак легальности), но и оправданным, справедливым (признак легитимности), оно должно быть результатом соглашения («договора»), правовая форма должна быть отделена от чистой власти, правовая форма неизбежно прибегающего к «насилию» порядка должна быть более «высокой», чем формы, свободные от «права порядка», что и достигается при посредстве использования соответствующих процедур решения. Легитимность вы-

рабатывается через процессы, постепенно устраняющие неопределенность в ожидании событий и решениях: прохождение через процедуры принятия решений делает легитимность легальной...» (Isaev, 2012).

Для корректной оценки легальности и легитимности действий (решений) публичной политической власти в конкретно-определенном политическом и правовом контекстах необходима расстановка акцентов на элементах, составляющих легальность и легитимность.

При оценке легальности порядка (действий или решений публичной политической власти) производится оценка соответствия такого порядка (публичной политической власти как таковой) позитивному порядку²⁰, т.е. действующим правовым нормам в рамках определенной правовой системы.

При оценке легитимности порядка возможна дискреция в части выбора легитимирующего порядка²¹ — таким порядком может быть признание легитимируемого объекта населением²² или компетентными органами (к примеру, судами или международными квазисудебными органами — в зависимости от объекта легитимации) — «в русле» социологического позитивизма, соответствие легитимируемого объекта позитивному закону — с позиций «старого» легизма²³, соответствие легитимируемого порядка порядку более высокого уровня (национального правопорядка международному правопорядку) — с точки зрения юридического нормативизма.

III. ЛЕГАЛЬНОСТЬ И ЛЕГИТИМНОСТЬ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ СИРИЙСКОЙ АРАБСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Крайне примечательной в контексте вышеприведенных рассуждений является ситуация, складывающаяся в Сирийской Арабской Республике, рассмотрение вопроса о легальности и легитимности действующей публичной политиче-

---

²⁰ Как и при оценке объекта на предмет легитимности производится соотношение с другим порядком или несколькими другими порядками, в том числе факультативными для предоставления возможности утверждать легитимность той или иной публичной политической власти; однако, таким порядком в определении легальности является позитивный порядок.

²¹ При этом зачастую одним из легитимирующих факультативных порядков может являться соответствие способа формирования (осуществления полномочий) публичной политической власти установленному позитивно-правовому регулированию — т.е. легальность такой власти «дополнительно» опосредует ее легитимность.

²² К примеру, в рамках последующего избрания ранее замещавшего соответствующую должность в органе публичной политической власти лица на такую должность вновь.

²³ Собственно, в этом случае произойдет отождествление легальности и легитимности, и, таким образом, факультативный — в рамках иных моделей легитимации порядка — элемент, определяется как единственный и основной.

ской власти в которой представляется верным начать с краткого экскурса в историю конституционного развития рассматриваемого государства.

Современное самостоятельное конституционное развитие Сирийской Арабской Республики, а, ввиду получения независимости от Османской Империи в 1920 г.²⁴, — самостоятельное конституционное развитие Сирии как таковое, началось в 1920 г. принятием (вопреки следованию предоставленному Французской Республике решением францужско-британской Конференции в Сан-Ремо 1920 г. (в последующем утвержденном Лигой Наций в 1923 г.) мандату) органом народного представительства — Национальным конгрессом Конституции Арабского Королевства Сирия, которой территория современной Сирии и Ливана²⁵ провозглашались суверенным государством с монархической формой правления (ограниченная монархия). Конституцией Арабского Королевства Сирия учреждался двухпалатный выборный коллегиальный законодательный орган государственной власти — Генеральная Конференция, должность премьер-министра, реализующего функции высшего должностного лица органа исполнительной власти и подотчетного Генеральной Конференции, орган конституционного контроля — Верховный Конституционный Суд. Однако настоящий документ, несмотря на народный, хотя и осуществленный представительным органом, способ его принятия, нельзя с позиций фактически произошедших событий и невозникновения последствий его принятия охарактеризовать как имеющий учредительный характер в отношении сирийского консти-

---

²⁴ До 1920 г. территория современной Сирийской Арабской Республики являлась частью Османской империи, что означает распространение действия Конституции Османской империи 1876 года в том числе на территорию современной Сирии. Так, в соответствии с положениями указанного документа османь (подданные Османской империи), в том числе проживающие на территории современной Сирии, пользовались всей полнотой прав, предоставляемых османам Конституцией Османской империи. Кроме того, подданные Османской империи, проживающие на территории Сирии, имели норму представительства в одной из палат Парламента (Генеральной Ассамблеи) Османской империи — Палате депутатов, равную норме представительства депутатов от иных провинций (вилайетов) — 1 депутат на каждые 50 000 мужчин — подданных Османской империи (депутаты подлежали избранию от каждой провинции из числа подданных Османской империи, проживающих на территории соответствующей провинции, в соответствии с указанной нормой представительства). Кроме того, в каждой провинции организовывались региональные выборные коллегиальные органы управления: административные советы провинций, районов (санджаков) и округов (кадылыков) а также Генеральные Советы, подотчетными которым являлись указанные ранее коллегиальные органы управления. Кроме того, в 1909 г. в Конституцию Османской империи по итогам младотурецкой революции 1908 г. были внесены изменения, предоставляющие подданным Османской империи (в том числе проживавшим на территории современной Сирии) право собраний, ограниченное, однако, невозможностью проведения собраний подданных Османской империи с целью планирования и (или) обеспечения нарушения территориальной целостности Османской империи.

²⁵ В 1926 г. территория современного Ливана была обособлена от территории современной Сирии в качестве отдельной административно-территориальной единицы, являющейся подмандатной Французской Республике (с, соответственно, обособлением сирийской территории в качестве самостоятельной административно-территориальной единицы также подмандатной Французской Республике).

туционализма по причине прекращения (вскоре после принятия) его действия (т.е. ввиду отсутствия фактической реализации положений рассматриваемого документа) в одностороннем порядке французским Верховным комиссаром при осуществлении ввода военного контингента на территорию Сирии Французской Республикой, являющейся т.н. «мандатарием» в отношении Сирии.

В 1928 г. на общенародном голосовании были избраны члены Конституционного Собрания, целью создания которого была разработка проекта Конституции Сирии.

В 1930 г. при учете проекта, разработанного и утвержденного Конституционным Собранием, а также позиции Французской Республики мандатарием была октроирована Конституция Сирии, которая утверждала независимость и суверенитет Сирии, учреждала в Сирии республиканскую форму правления, законодательный орган государственной власти, представленный однопалатным Парламентом (Палатой депутатов), избираемым сроком на 4 года, осуществляющим избрание Президента²⁶ и обладающим правом объявления импичмента Президенту, должность высшего должностного лица исполнительной власти — Президента, избираемого сроком на 5 лет (с конституционным ограничением реализации полномочий не более одного срока подряд), имеющего право роспуска Палаты депутатов, а также осуществляющего формирование Правительства — Кабинета министров (при этом Конституцией допускалось замещение должности министра членом Палаты депутатов). Наиболее важным с позиций оценки степени «декларативности» утверждения Сирии в качестве независимого и суверенного государства является конституционные положения о том, что содержание Конституции Сирии не может противоречить обязательствам, принятым на себя Французской Республикой, в том числе (и в особенности) в рамках деятельности Лиги Наций и предоставленного Французской Республике мандата. Именно посредством предусмотренной такой оговорки Французская Республика обеспечила «правовой»²⁷ контроль над территорией Сирии вплоть до 1944 г.

В 1944 г. Палата депутатов Республики Сирия отменила действие положений ст. 116 Конституции Сирии, предусматривающих ограничение действия

---

²⁶ При этом следует учитывать, что избрание Палатой депутатов Президента, по общему правилу, должно было быть осуществлено в два этапа абсолютным большинством голосов депутатов. Вторым этапом голосования подлежал проведению только в случае, если Президент не избирался абсолютным большинством голосов депутатов в первом этапе голосования, однако допускалось избрание Президента относительным большинством голосов депутатов при проведении третьего этапа голосования (который подлежал проведению в случае неосуществления избрания Президента абсолютным большинством голосов депутатов в первом и во втором этапах голосования).

²⁷ К примеру, в 1939 г. в качестве ответной меры на требования Сирии отменить мандатный режим Французской Республики Верховным комиссаром мандатария было приостановлено действие Конституции 1930 г., которое было возобновлено только в 1943 г. по решению национальных органов Сирии.

положений сирийской Конституции международными обязательствами Французской Республики (в основном — мандатом Лиги Наций). Фактические же независимость и суверенитет были приобретены Сирией только в 1946 г. с момента вывода французского военного контингента с территории рассматриваемого государства²⁸.

В 1949 г. в Конституцию Сирии были внесены изменения, в соответствии с которыми Президент мог быть избран относительным большинством голосов Палаты депутатов, в том числе при осуществлении голосования впервые (по первому этапу), а также изменения, предусматривающие возможность избрания лица Президентом более одного срока подряд. В том же году по осуществлении военного переворота действие Конституции было приостановлено и были назначены выборы Конституционного Собрания, целью которого являлась разработка проекта новой Конституции.

В 1950 г. на общенародном голосовании²⁹ была принята новая Конституция Республики, утвердившая религиозный (а именно — исламский) характер государства (с, соответственно, применением норм мусульманского права на территории Сирии), изменившая порядок выборов Президента в части, относящейся к необходимому для избрания Президента по первому этапу кворуму Палаты депутатов, а именно — установлению необходимости получения кандидатом квалифицированного большинства голосов Палаты депутатов в размере 2/3 голосов Палаты депутатов и более³⁰, а, равно с этим, в части, относящейся к установлению невозможности замещения должности Президента одним и тем же лицом более одного срока подряд. Кроме того, были расширены полномочия премьер-министра (Председателя Совета министров), который, к примеру, обладал исключительными полномочиями по инициированию процедуры объявления вотума недоверия Совету министров (только Председатель Совета министров мог вынести соответствующий вопрос на рассмотрение Палаты депутатов). На конституционном уровне был установлен порядок формирования региональных органов управления. Так, в образуемых областях подлежали орга-

---

²⁸ В этом контексте необходимо отметить, что вопрос о необходимости осуществления вывода военного контингента с территории Сирии и Ливана рассматривался в 1946 г. Советом Безопасности Организации Объединенных Наций, который не смог сформировать итоговую позицию по указанному вопросу.

²⁹ В котором впервые в истории Сирии принимали участие женщины, что свидетельствует об ориентации Сирии на передовые демократические примеры организации принятия конституционных актов.

³⁰ А также установлением положений, предусматривающих, что, в случае неполучения ни одним из кандидатов указанного квалифицированного большинства голосов, является необходимым проведение второго этапа голосования, для избрания Президента в котором является необходимым получение каким-либо из кандидатов абсолютного большинства голосов Палаты депутатов, а, в случае неизбрания Президента во втором этапе голосования — третьего этапа голосования, для избрания Президента в котором является необходимым получение каким-либо из кандидатов относительного большинства голосов Палаты депутатов.

низации на смешанной основе областные советы (3/4 состава которых подлежали избранию, а 1/4 — назначению центральной властью).

В 1952 г. в результате осуществления военного переворота было приостановлено действие Конституции 1950 г., и в 1953 г. принята новая Конституция, упразднившая должность премьер-министра и расширившая полномочия Президента (а равно с этим утвердившая прямой общенациональный порядок избрания Президента). В 1954 г. в результате нового военного переворота было восстановлено действие Конституции 1950 г.

В 1958 г. в связи с реализацией интеграционных процессов между Республикой Сирия и Египтом и принятием временной Конституции Объединенной Арабской Республики было приостановлено действие Конституции Сирии 1950 г. Временная Конституция Объединенной Арабской Республики, помимо прочего, утвердила порядок формирования органов государственной власти созданного в результате объединения государства: так, к примеру, орган законодательной власти — Национальная Ассамблея формировался таким образом, что как минимум половина мандатов членов Национальной Ассамблеи подлежала замещению членами парламентов Сирии и Египта (что примечательно, без установления соотношения мандатов между непосредственно представителями Сирии и Египта, что в последствии стало одной из причин аннулирования соглашения об интеграции двух государств в 1962 г. и реставрации действия Конституции Республики Сирия 1950 г.).

В 1963 г. осуществившая военный переворот политическая партия «Партия арабского социалистического возрождения» — Баас организовала введение на территории Республики Сирия чрезвычайного положения (продлившегося вплоть до 2011 г.) и приостановление действия Конституции 1950 г. В 1964 г. Национальным Советом Революционного Командования была принята временная Конституция Сирии. В 1969 г., а также в 1971 г. Национальным Советом Революционного Командования также принимались новые временные конституции Республики Сирия.

В 1973 г. всенародным голосованием была принята новая Конституция Республики Сирия. Конституционными новеллами стали утверждение ведущего значения (роли) политической партии Баас³¹, установление прямой общенациональной процедуры избрания Президента, 7-летнего срока замещения полномочий Президента без установления предельного допустимого количества (в том числе подряд) сроков замещения одним и тем же лицом должности Президента, право назначения Президентом министров без согласования соответствующих

---

³¹ Что, в свою очередь, обусловило включение в текст Конституции положений о том, что как минимум половина мандатов Парламента (Народной Ассамблеи) подлежит замещению представителями крестьянства и рабочего класса; по представлению политической партии Баас Народной Ассамблеей осуществляется организация выборов Президента.

кандидатур с премьер-министром, возможностью единолично реализовывать полномочия Народной Ассамблеи по принятию законов в период прекращения сессий Народной Ассамблеи (а в исключительных случаях, как то необходимость обеспечения национальной безопасности Сирии, — и в период проведения сессий Народной Ассамблеи) при последующем утверждении принятых в указанном порядке Президентом законов Народной Ассамблеей на первом заседании ближайшей сессии, предусмотрение возможности внесения изменений в Конституцию только по предложению Президента Республики Сирии или не менее 2/3 от общего числа членов Народной Ассамблеи.

В 2012 г. под влиянием оппозиционных сил была принята новая Конституция Сирийской Арабской Республики, из текста которой было изъято положение о ведущем значении (роли) политической партии Баас, в том числе в части такого проявления ведущего значения политической партии Баас как представление кандидатуры Президента для его избрания на общенациональных выборах (однако положения о порядке формирования Народной Ассамблеи, предусмотренные Конституцией 1973 г., были сохранены). Но, несмотря на сложившуюся в Сирии политическую ситуацию, Конституция Сирии 2012 г. предусматривает все исключительные (в рамках сравнения с западными государствами) конституционные полномочия Президента Республики, предусмотренные Конституцией 1973 г. (к примеру, возможность единоличной реализации законодательных полномочий Народной Ассамблеи), что в большей степени и является предметом противоречий так называемых «оппозиционных сил» и действующей публичной политической власти.

IV. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Некоторыми общественно-политическими деятелями, а также учеными, в том числе в России, декларируется нелегитимность власти Президента Сирийской Арабской Республики, должность которого в настоящее время замещает Башар Асад. При этом в качестве аргументов приводятся сомнительные «факты» о непринятии гражданами Сирии как результатов референдума 2012 г., по итогам которого были внесены соответствующие изменения в Конституцию Сирии в части устранения ведущей роли политической партии «Партия арабского социалистического возрождения», так и результатов выборов Президента Сирии 2014 г. Однако следует отметить, что при проведении референдума 2012 г. явка голосующих составила около 57,4% от числа обладающих правом голоса граждан, из которых 89,4% проголосовали за внесение соответствующих изменений в Конституцию, что составляет более половины населения Сирии, а на выборах Президента Сирии 2014 г., проводившихся, к слову, на альтернативной основе, в пользу избрания Башара Асада президентом Сирии было отдано около 88,7% голосов избирателей (при явке в почти 2/3 граждан Сирии, обладающих активным избирательным правом), что дает все основания говорить не только о

законности (легальности) действующей власти в Сирии, ввиду соответствия порядка формирования высших властных публичных институтов закону, но и о легитимности — ввиду признания такой власти населением Сирийской Арабской Республики.

Кроме того, в Конституции Сирии 2012 г. закреплено признание Сирией международного правопорядка, Сирийская Арабская Республика является членом Организации Объединенных Наций³², в ряде резолюций, посредством закрепления требований о сотрудничестве Сирии и международных организаций³³, признается ее [Сирии] правосубъектность, что, в свою очередь, позволяет говорить о легитимности власти в Сирии с точки зрения международного правопорядка, так как международным сообществом производится фактическое признание полномочий такой власти.

В совокупности с вышеизложенным необходимо подчеркнуть, что как в рамках господствующего в мировом сообществе подхода, так и ввиду соответствия сложившейся в Сирии ситуации тезису о том, что легитимность той или иной власти определяется такой нравственной характеристикой власти, как доверие и оправдание такой власти со стороны населения, а равно с этим ввиду признания и восприятия большей частью населения Сирии Башара Асада в качестве Президента Сирийской Арабской Республики, а также признания международной правосубъектности Сирийской Арабской Республики действующая власть в Сирии является не только легальной, но и в полной мере легитимной.

При этом представляется, что избранный действующим Президентом Республики вектор развития является наиболее релевантным истории конституционного развития Сирии, ведь различного характера «отклонения» модернизации политической системы рассматриваемого государства, неразрывно следовавшие на протяжении последних исторических периодов и непременно сопровождавшиеся внутрисоциальными конфликтами, не позволяют принять внутрен-

---

³² Официальный сайт ООН. Страница Парламентской Миссии Сирийской Арабской Республики. URL: <https://www.un.int/syria/> (дата обращения: 25.08.2017).

³³ Так, в п. 7 Резолюции Совета Безопасности ООН № 2118 (2013) о постановке под международный контроль и ликвидации сирийской программы химического оружия от 27 сентября 2013 г. постановлено, что «Сирийская Арабская Республика должна всесторонне сотрудничать с ОЗХО (Организация по запрещению химического оружия) и Организацией Объединенных Наций, в том числе выполняя их соответствующие рекомендации, принимая персонал, назначаемый ОЗХО или Организацией Объединенных Наций, создавая и обеспечивая безопасные условия для осуществления деятельности этим персоналом...», при этом на данную резолюцию делается указание в резолюции 2235 (2015), принятой Советом Безопасности на его 7501 заседании 7 августа 2015 г.: «...напоминает о том, что в своей резолюции 2118 он постановил, что Сирийская Арабская Республика и все стороны в Сирии должны всесторонне сотрудничать с ОЗХО и Организацией Объединенных Наций, и подчеркивает, что это включает обязательство сотрудничать с Генеральным директором ОЗХО и ее миссией по установлению фактов, а также с Генеральным секретарем Организации Объединенных Наций и совместным механизмом по расследованию...». — Официальный сайт Совета безопасности ООН. URL: <http://www.un.org/ru/sc/> (дата обращения: 25.08.2017).

ней ориентации государства на конституционное мировоззрение³⁴, что, в свою очередь, не позволяет обеспечить как конституционную стабильность, так и стабильность социальную. Для предотвращения текущего и перспективного применения «народного насилия» является необходимым продолжение начавшей свое формирование традиции легального и легитимного³⁵ способов образования (и, как одного из элементов образования новых — прекращение действия предшествующих) высших органов публичной власти государства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК / REFERENCES

- Alekseev, S. S. (1998) *Filosofiya prava* [The Philosophy of Law]. Moscow, NORMA (in Russian)
Алексеев С.С. Философия права. М. : НОРМА, 1998.
- Balasubramaniam, R. R. (2008) Indefinite detention: rule by law or rule of law? In: Ramraj, V.V. (ed.) *Emergencies and the Limits of Legality*. Cambridge, Cambridge University Press, pp.118–142. Available from: doi: 10.1017/CBO9780511552021.006.
- Bekkers, V., Dijkstra, G., Edwards, A. & Fenger, M. (2007) *Governance and the Democratic Deficit: Assessing the Democratic Legitimacy of Governance Practices*. Aldershot, Ashgate.
- Campbell, D. (1986) Truth Claims and Value-Freedom in the Treatment of Legitimacy: The Case of Weber. *Journal of Law and Society*. 13 (2), 207-224. Available from: doi: 10.2307/1410281.
- Chetvernin, V. A. (1993) *Demokratischeskoe konstitucionnoe gosudarstvo: vvedenie v teoriyu* [The Democratic and Constitutional State: Introduction to the Theory]. Moscow, IGIП РАН publ. (in Russian)
Четвернин В.А. Демократическое конституционное государство: введение в теорию. М. : Изд-во ИГиП РАН, 1993.
- Chirkin, V. E. (2013) *Konstitucionnaya terminologiya* [The Constitutional Terminology]. Moscow, Norma, INFRA-M. (in Russian)
Чиркин В.Е. Конституционная терминология. М. : Норма : ИНФРА-М, 2013.
- Coicaud, J.-M. (2004) *Legitimacy and Politics: A Contribution to the Study of Political Right and Political Responsibility*. Cambridge, Cambridge University Press.
- Denisenko, V. V. (2014) *Legitimnost' kak harakteristika sushchnosti prava. Vvedenie v teoriyu: monografiya* [The Legitimacy as the Characteristics of the Essence of Law. Introduction to the Theory]. Moscow, Yurlitinform. (in Russian)
Денисенко В.В. Легитимность как характеристика сущности права. Введение в теорию. М. : Юрлитинформ, 2014.
- Huppes-Cluysenaer, L., Knegt, R. & Lembecke, O. W. (eds.) (2008). *Legality, legitimacy and modernity: reconsidering Max Weber's concept of domination*. 's-Gravenhage, Reed Business.
- Isaev, I. A. (2012) Legitimnost' i legal'nost' v konstitutsionnom protsesse [Legitimacy and Legality in Constitutional Procedure]. *Istoriya gosudarstva i prava* [History of State and Law]. (6), 2–6. (in Russian)

---

³⁴ О чем и свидетельствует актуальная ситуация в стране — а именно активизация революционных действий некоторых политических и этнических групп.

³⁵ Вне рассмотрения харизматического типа легитимности как основы публичной политической власти, но принятием рационально-легального типа легитимности такой власти в качестве базисной парадигмы ее [публичной политической власти] формирования.

- Исаев И.А. Легитимность и легальность в конституционном процессе // История государства и права. 2012. № 6. С. 2–6.
- Isaev, I. A. (2014) Legal'nost' i byurokratiya [Legality and Bureaucracy]. *Istoriya gosudarstva i prava* [History of State and Law]. (20), 3–8. (in Russian)
- Исаев И.А. Легальность и бюрократия // История государства и права. 2014. № 20. С. 3–8.
- Kelsen, H. (2015) *Chistoe uchenie o prave* [Reine Rechtslehr]. Translated from German by Antonov, M. & Loesov, S. Saint Petersburg, Alef Press Publishing House. (in Russian)
- Кельзен Г. Чистое учение о праве / пер. с нем. М.В. Антонова и С.В. Лезова. СПб. : ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2015.
- Lipset, S. M. (2005) *Razmyshleniya o legitimnosti* [Reflections on the Legitimacy]. *Apologiya* [Apology]. (5), 95–103. (in Russian)
- Липсет С.М. Размышления о легитимности // Апология. 2005. № 5. С. 95–103.
- Matheson, C. (1987) Weber and the Classification of Forms of Legitimacy. *The British Journal of Sociology*. 38 (2), 199–215. Available from: doi: 10.2307/590532.
- Matuzov, N. I. & Malko, A. V. (2004) *Teoriya gosudarstva i prava* [The Theory of State and Law]. Moscow, Yurist». (in Russian)
- Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. М. : Юристъ, 2004.
- McCormick, J.P. (2004) Identifying or Exploiting the Paradoxes of Constitutional Democracy? An Introduction to Carl Schmitt's Legality and Legitimacy. In: Schmitt, C. *Legality and Legitimacy*. Durham, NC, Duke University Press, pp. xii–xliii.
- Megrelidze, M. R. (2008) *Stanovlenie instituta razresheniya administrativno-pravovykh sporov* [Formation of the Institute of Resolve Administrative Disputes]. Moscow, Yurisprudentsiya. (in Russian)
- Мегрелидзе М.Р. Становление института разрешения административно-правовых споров. М.: Юриспруденция, 2008.
- Schmitt, C. (2016) *Ponyatie politicheskogo* [Der Begriff des Politischen]. Translated from German by Shurbelev, A. P. & Korinets, Yu. Yu. Saint Petersburg, Nauka. (in Russian)
- Шмитт К. Понятие политического / А. П. Шурбелев, Ю. Ю. Коринец. СПб. : Наука, 2016.
- Smith, R. W. (1970) The Concept of Legitimacy. *Theoria: A Journal of Social and Political Theory*. (35), 17–29.
- Weber, M. (1990) Osnovnye sotsiologicheskie ponyatiya [Soziologische Grundbegriffe]. In: Weber, M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Translated from German by Levin, M. I. Moscow, Progress, pp. 602–643. (in Russian)
- Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем. М. И. Левина. М. : Прогресс, 1990. С. 602–643.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Клишас Андрей Александрович, доктор юридических наук, профессор, Научный руководитель Юридического института Российского университета дружбы народов; заведующий кафедрой теории права и государства; Председатель Комитета Совета Федерации Федерального Собрания РФ по конституционному законодательству и государственному строительству.

ORCID ID: 0000-0002-3472-4926

Контактная информация:

e-mail: klishas_aa@pfur.ru

Для цитирования:

Клишас А.А. Легальность и легитимность публичной политической власти: теоретические аспекты (на примере сирийского вопроса) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 1. С. 1–20, doi: 10.22363/2313-2337-2018-22-1-00-00

**LEGALITY AND LEGITIMACY
OF PUBLIC POLITICAL POWER:
THEORETICAL ASPECTS
(ON THE BASIS OF SYRIA)**

Andrey A. Klishas

RUDN University
Law Institute

6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russia, 117198

The Article is devoted to theoretical concepts of legality and legitimacy of public political power; it includes analysis of these concepts (including historical aspects of the constitutional evolution) on issues of legality and legitimacy of public political power of the government of the Syrian Arab Republic. The Article includes casual demonstration of vitals of legality and legitimacy of public political power of exercise public political power on Syria territory.

The purpose of this analysis is systematic description of doctrinal approaches to such legal phenomena, as legality and legitimacy of public political power, their correlation, as well as content analysis of such legal phenomena on the example of social condition, existing on the territory of particular state at the certain historical period of its evolution.

As a result of scrutiny of different approaches to the concepts of legality and legitimacy of public political power, the author comes to the conclusion about the necessity take into consideration particular political and legal contexts during making assertion about legality and legitimacy of public political power exercising at the certain period of its evolution.

Specifically, if legal nature of legality of public political power doesn't afford to use any other criteria excepting compliance such authority with positive regulation within particular legal system, then legitimacy of public political power provides latitude in the choice the criteria of the order of legitimacy. Herewith the author formulates particular criteria the presence of which provides an opportunity to determine the character of public political power as legitimacy, such as recognition of legitimacy object by public or authoritative body, compliance the public order considered as legitimacy with positive regulation and with more developed public order.

The Article contains foundation of criteria of legality and legitimacy of public political power exercising on the territory of the Syrian Arab Republic by consideration of the most obvious constitutional peculiarities of the Syrian Arab Republic including the consideration in aspect of the history of constitutional evolution of the state.

Key words: state; public political power; legality; legitimacy; constitutional law; Syrian Arab Republic

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey A. Klishas, Doctor of Legal Sciences, Professor, Scientific Supervisor of the Law Institute, RUDN University; Head, Department of Theory of Law and State; Chairman of the Coun-

cil of the Federation of the Federal Assembly of Russian Federation, Committee on Constitutional Legislation, Legal and Judicial Affairs and Civil Society Development.

ORCID ID: 0000-0002-3472-4926

Contact information:

e-mail: klishas_aa@pfur.ru

For citation:

Klishas, A. A. (2018) Legal'nost' i legitimnost' publichnoi politicheskoi vlasti: teoreticheskie aspekty (na primere siriiskogo voprosa) [Legality and Legitimacy of Public Political Power: Theoretical Aspects (on the Basis of Syria)]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki* [RUDN Journal of Law]. 22 (1), 1–20. Available from: doi:10.22363/2313-2337-2018-22-1-1-20.